

Humanitas

Георгий Чистяков

Библейские чтения: Пятикнижие

Humanitas

Георгий Чистяков

Библейские чтения: Пятикнижие

«ЦГИ Принт»

2020

УДК 1 (091)
ББК 86

Чистяков Г. П.

Библейские чтения: Пятикнижие / Г. П. Чистяков — «ЦГИ
Принт», 2020 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-689-9

Настоящее издание продолжает серию трудов священника Георгия Чистякова (1953–2007), историка, богослова, общественного деятеля; оно включает в себя книгу «Библейские чтения: Пятикнижие» – беседы о Ветхом Завете, в основе которых лежат выступления на радио «София» в конце 1990-х годов. Издание адресовано религиоведам-профессионалам, а также всем интересующимся историей культуры. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1 (091)
ББК 86

ISBN 978-5-98712-689-9

© Чистяков Г. П., 2020
© ЦГИ Принт, 2020

Содержание

От редактора	6
Предисловие	7
Первая книга Моисеева: Бытие	9
1. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 1–2	9
2. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 1–4	15
3. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 5–8	17
4. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 26–28	20
5. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 26–31	22
6. Книга Бытия. Гл. 2. Ст. 4–20	24
7. Книга Бытия. Гл. 2. Ст. 21–24	26
8. Книга Бытия. Гл. 3. Ст. 1–12	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Георгий Чистяков

Библейские чтения: Пятикнижие

© Левит С.Я., автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2016

© Чистяков П.Г., Чистякова Н.А., правообладатели, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, 2016

От редактора

Дорогие друзья и коллеги! Вы держите в руках пятый том трудов священника Георгия Чистякова (1953–2007). Первые четыре тома вышли в свет в конце 2015 – начале 2016 года и включают статьи и книги отца Георгия, опубликованные им при жизни, а также тексты его дипломной и диссертационной работ.

В пятом томе собраны избранные беседы о Ветхом Завете, в основе которых лежат выступления на радио «София» в конце 1990-х годов. В следующем – шестом – томе будут изданы беседы, посвященные Новому Завету, но не вошедшие в книги «Над строками Нового Завета» и «Свет во тьме светит», а также пасхальный цикл проповедей. Мы решили объединить пятый и шестой том единым названием – «Библейские чтения». Эти тексты были опубликованы лишь частично – как отдельные журнальные статьи: в замысел автора не входила подготовка отдельной книги по Ветхому Завету или Деяниям апостолов. Перед публикацией полного цикла лекций на библейские темы отец Георгий должен был бы провести большую работу, сделать которую в последние годы жизни у него не было никакой возможности. Именно поэтому, не имея ни готовых текстов статей, ни даже черновиков, мы вынуждены работать с аудиозаписями.

В 2011 году радиопередачи Георгия Чистякова, посвященные Ветхому Завету, были расшифрованы, снабжены комментариями и изданы единой книгой, которая была подготовлена сотрудниками Научно-исследовательского центра религиозной литературы и изданий Русского зарубежья Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы и вышла в свет в издательстве «Центр книги Рудомино».

Именно это издание – «Пятикнижие: дорога к свободе» (М., 2011) – и было положено в основу настоящего тома. Мы сохранили комментарии Татьяны Прохоровой, учли филологическую правку Бориса Рашковского, и в целом не меняли структуры книги.

Предваряет пятый том предисловие Глеба Ястребова – библеиста и филолога. Для меня это большая радость: примерно в те же годы, когда на радио «София» звучали тексты отца Георгия о Ветхом Завете, мы с Глебом Гарриевичем вместе изучали Евангелие от Иоанна на домашнем семинаре А.И.Шмаиной-Великановой, а чуть позже Глеб Ястребов читал курс по Новому Завету в той же аудитории, где много лет преподавал и отец – в Институте философии, теологии и истории святого Фомы. Глеб был другом и собеседником отца и во многом продолжил то дело, которым отец занимался многие годы.

Петр Георгиевич Чистяков,

доцент Учебно-научного центра изучения религий

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, ноябрь 2016 г.

Предисловие

Уапостола Павла есть мысль о том, что Тора (Пятикнижие) может стать Евангелием. Именно так и читает ее автор нашей книги о. Георгий, делая ее книгой *христианской* надежды и этики. И барьер между Заветами исчезает не потому, что Евангелие понимается законнически и формалистически, а потому, что книги Моисеевы предстают вместилищем живой и неформальной веры, призывом к человеколюбию и милосердию.

Для о. Георгия это тем важнее, что он понимает роль Торы для Иисуса: Иисус знал ее «практически наизусть», воспринимая ее как «единный живой текст». Более того, из нее и почерпнуты основные принципы Евангелия (новое в Евангелии – личность Христа, а не учение!). Но если так, значит, и для современного верующего Тора должна быть не музейной ценностью, пригодной лишь для изучения, а «картой для продвижения вперед», «атласом автомобильных дорог» (смелый образ о. Георгия).

За последние десятилетия многочисленные исследователи Евангелия, в том числе нехристианские – такие, как Давид Флуссер, Геза Вермеш, Морис Кейси, Джеймс Кроссли – показали, что укорененность Иисуса в иудейской традиции была намного более сильной, чем предполагалось раньше. Едва ли не каждый этический постулат Евангелия имеет аналоги у древних мудрецов и законоучителей. Более того, в самом опыте богообщения многое роднит Иисуса с такими фигурами, как Хони «Начертатель Круга» или Ханина бен Доса. Или, читая эссеистские гимны, нельзя не удивляться их переключкам с раннехристианскими текстами (например, «Одами Соломона»).

О. Георгий не вспоминает эти и другие научные открытия, но они вполне могут стоять за его подходом. Между тем в современной теологии открытие иудейства Иисуса и апостолов нередко оборачивается умалением последующей традиции, которая далеко (и подчас уж очень далеко) отошла от своих ветхозаветных корней. У о. Георгия же интересно умение совместить одно с другим: выражаясь евангельскими словами, «сия...творити, и онех не оставляти» (Мф 23:23). Ничего не теряя, христианская традиция у него обогащается духом веры Авраама, Моисея и Пророков. Очень органично сочетает о. Георгий, например, выводы раввинистической экзегезы с интуициями христианской мистики, отражением их в литургике.

В интерпретациях о. Георгия Тора неизменно предстает вестью о свободе и человеколюбии. Насколько это убедительно? Нехристианский скептик возразил бы, что некоторые этически проблемные места Торы не высвечены: акцент сделан на том, что можно объяснить кратко, не углубляясь в сложные богословские вопросы. Заметим, однако, что о. Георгий читает Тору глазами сердечной любви, – а только так и можно понять главное в ней. Более того, именно такого подхода придерживались Иисус и апостолы. Они не пытались апологетически оправдать или объяснить сложные места: они жили Торой, они были людьми своего времени, а внимание слушателей сосредотачивали на тех многочисленных отрывках, в которых видна любовь к Богу и любовь к человеку.

Следует отметить еще одну важную особенность книги: это настоящий учебник христианской культуры. Для автора христианство и образованность едины и нераздельны. О. Георгий сам, будучи человеком высокообразованным, – как мы помним по его блестящим и искрометным проповедям, в которых он свободно привлекал имена философов и историков, писателей и поэтов от Плутарха до Данте и Пушкина, – предъявлял высокие требования к культуре христианина. Эта черта, столь для него характерная, видна и в этой книге. Он всегда полагал, что если есть возможность получить знания, сделать это необходимо, причем не ограничиваться текстами, которые «принято» читать в данной церковной традиции (скажем, православной), но и обогащать себя сокровищами всей христианской ойкумены. Это тем более важно, что в традиции иногда целые столетия были ознаменованы духовным регрессом: например, автор

отмечает, что женщины на Руси были более принижены, чем даже в древнем Египте, – и делалось это под знаменем православия, хотя Библия говорит о духовном равенстве мужчин и женщин перед Богом. (Кстати, и трактовка грехопадения у о. Георгия чужда патриархальности: грехопадение началось с безответственности Адама!)

Будучи человеком, способным вместить в себя разные христианские традиции, о. Георгий открывает читателю не только святых отцов неразделенной Церкви, но и таких авторов, как Поль Клодель, Данте и св. Тереза из Лизьё, которую он очень любил. Именно после Данте, полагает он, люди стали мыслить себя как человечество, осознали всемирное внутреннее родство.

Он говорит и об Андрее Рублёве, и о средневековых миланских фресках. Кстати, и сокровища иудейской традиции для него не закончились с I веком: он апеллирует к последующим философам и раввинам. Здесь не только христианство имеет кафолический, вселенский вектор: «*Мир достоин восхищения*» – эти слова, отнесенные о. Георгием к первой главе Бытия, можно применить к его готовности видеть дары повсюду.

При этом у о. Георгия нет того разменного морализаторства, которое неприятно у некоторых авторов. Например, когда он рассказывает об очередной книге, для него типично естественное вовлечение читателя в разговор, как бы на равных, через выражение «Мы все знаем...»

О. Георгий был, как мы помним, блестящим проповедником, и отголоски проповеди ощутимы и в этом его труде. Его книгу будет интересно прочитать и людям образованным (взять хотя бы гипотезы о влиянии Библии на Овидия!), и в особенности – тем, кто начинает свой духовный путь, только вступив в Церковь.

*Глеб Гарриевич Ястребов, переводчик, библеист
26 октября 2016 г.*

Первая книга Моисеева: Бытие

1. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 1–2

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была без-видна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

Быт 1:1–2¹

Начнем наше размышление с Книги Бытия. Бытие – это первая книга Ветхого Завета, с которой начинается Библия. Евреи называют ее словом Берешит по самому первому ее слову, потому что «Бе-решít» на иврите означает «в начале»; по-гречески она называется Γένεσις, от глагола γίγνομαι – делаться, становиться. Таким образом, слово «Генесис», наверное, надо перевести как «Книга о том, как мир стал таким, каков он есть». Но перевести с греческого это слово не очень просто, и поэтому по-английски обычно оно употребляется без перевода, англичане и американцы называют эту книгу Genesis, по-французски она называется La Genèse, тоже без перевода с греческого языка. Зато Кирилл и Мефодий и их продолжатели решили передать это греческое слово средствами языка славянского и назвали книгу «Бытие, Книга о том, как мир стал быть».

«Бе-решít барá Элоѓím эт ѓа-шамáйим вэ-эт ѓа-áрец»², – так начинается Библия на иврите. Уже первые слова Ветхого Завета привлекают к себе внимание. «Бе-решít» – «в начале», ἐν ἀρχῇ по-гречески. Ἀρχή – начало или первопричина. Это как раз та проблема, которая больше всего волновала ранних греческих философов. Первые философы придерживались разных точек зрения относительно того, что лежит в первооснове мира, но все они эту первооснову упорно искали.

С точки зрения Фалеса Милетского, одного из семи мудрецов и, по общему признанию, первого философа в истории человечества, в основе всего лежит вода. Анаксимандр считал, что в основе всего лежит нечто неопределенное и беспредельное – ἄπειρον. А Анаксимен, его ученик, считал, что это воздух. Но любая такая точка зрения, включая мнение Демокрита, который говорил, что в основе всего лежит ἄτομος – атом, нечто неделимое, – повторяю, любая из этих точек зрения вела неизбежно к упрощению реальности, к вульгаризации представлений о жизни, о мире, о возникновении мира и всего того, что нас окружает.

В Библии же такой попытки упростить реальность не делается. Здесь вопрос ставится принципиально иначе. Слово «в начале» – ἐν ἀρχῇ – привлекает читателя-грека, потому что возвращает его к древним спорам философов: так что же лежит в начале всего? – БОГ. Бог, Который сотворил нечто абсолютно новое. И Слово Его еще никогда не звучало ни на греческом, ни на латинском, ни на каком другом языке, кроме библейского иврита. В начале – не вода и не воздух, а Бог и Его творческий акт.

Библия останавливает нас именно перед тайной творения, подчеркивает с первой же своей строки, что творение – это тайна, перед которой надо благоговейно остановиться.

¹ Здесь и далее в данной работе, кроме особо оговоренных случаев, тексты Библии приводятся по так называемой «Брюссельской Библии»: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / В русском [синодальном] переводе. 4-е изд. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. В примечании к Брюссельской Библии оговаривается, что слова, поставленные в скобках, заимствованы из греческого перевода семидесяти толковников, а слова, напечатанные курсивом, приведены для ясности и связи речи. – Прим. Т.А.Прохоровой.

² Здесь и далее символ «Ѣ» используется для обозначения легкого фрикативного звука (близкого к украинскому «ґ»), передаваемого буквой «ґ». – Прим. Т.А.Прохоровой.

Тот, Кто живет вовеки, – *говорит премудрый Сирах*, – всё создал вместе. Никому не предоставил Он изъяснять дела Его. И кто может исследовать великие дела Его? Невозможно исследовать дивные дела Его³.
Сир 18:1–3, 5

Так размышлял благоговейно и молитвенно читавший Библию иудей. А грек? В IV веке известный всем нам и нами любимый святитель Василий Великий, один из первых греков, серьезно обратившихся к Ветхому Завету и размышлявших над Книгой Бытия, по этому же поводу восклицает: «Посему советую тебе не доискиваться и до того, на чем земля основана, ибо при таком изыскании голова закружится от того, что рассудок не найдет никакого несомненного ответа, а потому и себе самим и спрашивающим нас, на что опирается этот огромный и несдержимый груз земли, надобно отвечать: “в руке Божьей концы земли”»⁴, – цитирует святитель Василий 94-й Псалом, 4-й стих.

Библия не подменяет собой естественные науки. Библия оставляет для естествоиспытателя и ученого свободу изучать историю земли как планеты, изучать геологическую и биологическую ее историю, но останавливает нас в благоговейном молчании перед тайной бытия, перед тайной начала, перед тайной Бога, Который всегда больше, чем любая мысль о Нем.

«Бе-решít барá Элоѓím» – «В начале сотворил Бог». Слово «барá» переводится на греческий язык как έτοίησεν, то есть сделал, как делает ремесленник, как делает гончар свои сосуды или скульптор статуи, как делает столяр мебель или сапожник обувь. Но ничего подобного не имеется в виду, когда Библия говорит нам «барá» на иврите. Да, есть на иврите глагол «асá», который так, наверное, и надо переводить: сделал, как мастер; выделал. Но этот употребленный в 1-м стихе Книги Бытия глагол «барá» говорит о чем-то другом: не о работе мастера, который, используя некий первоначальный материал, выделяет свое изделие, а о недоступном нашему пониманию творческом акте. «Барá» – этот глагол очень хорошо переведен славянским словом «сотворил» или латинским “creavit”, что тоже значит примерно это: сотворил, если хотите, отрезав от себя, выделив из себя, – и ничего больше.

Множество писателей-богословов, христианских и раввинов, ученых-иудаистов, всю жизнь размышлявших над этим стихом, пытались дать толкование слову «барá», и поэтому толкований этих накопились если не тысячи, то, во всяком случае, сотни. Но, повторяю, слово это – «сотворил», “creavit”, «барá» – заставляет нас остановиться перед тайной творения. Остановиться и замолчать, взирая восхищенно на тот мир, который предлагает нам Бог и дает во владение. Дает во владение, призывая нас всех, каждого и каждую, быть за него в ответе, беречь и сохранять этот удивительный, таинственный, непостижимый дар.

Можно изучать землю, природу, вселенную разными способами. Одними способами это делают астрономы, другими – физики, третьими – химики, четвертыми – палеонтологи, пятыми – биологи, шестыми, седьмыми и восьмыми – специалисты в других областях знания. Они описывают конкретные факты, они изучают конкретные моменты естественной истории вселенной, но в целом охватить вселенную в едином взоре нам не дано, для нас невозможно. Может это сделать только Бог, Который «барá» – сотворил – ее, дал ее нам как Свой подарок.

³ Сравн. в синодальном переводе: «Все вообще создал Живущий во веки. <...> Никому не предоставил Он изъяснять дела Его. И кто может исследовать великие дела Его? <...> Невозможно исследовать дивных дел Господа». – *Прим. Т.А.Прохоровой.*

⁴ Здесь и далее ссылки на цитаты из Бесед на Шестоднев свт. Василия Великого будут приводиться по следующему изданию: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1991. Репринт. Ч. 1. Беседы на Шестоднев. Сравн: Беседа 1. С. 15–16 (далее: *Беседы на Шестоднев*). – *Прим. Т.А.Прохоровой.*

* * *

«Из чего, – спрашивают христиане и язычники, – из чего, – спрашивают “совопросники века сего”⁵, – сотворил Бог небо и землю?» Во Второй Маккавейской Книге есть такие слова:

Посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего.

2 Макк 7:28

Эти слова, где говорится о том, что Бог сотворил мир из ничего, или по-латински “*ex nihilo*”, очень любили средневековые богословы, средневековые мыслители и философы, которые всегда противопоставляли эти слова одному из принципов античной науки, который гласит, что “*ex nihilo nihil gignere potest*” – «из ничего ничто не может родиться». Для всего нужна реальная, материальная первооснова.

Напоминаю: так считали греческие и римские философы. Что же касается средневековых мыслителей, то они, наоборот, возражая им, утверждали, что Бог сотворил мир из ничего. Однако в Священном Писании, в тех двух стихах, с которых начинается Книга Бытия, об этом ничего не говорится. Более того, тот стих из Второй Маккавейской Книги, где сказано, что Бог всё сотворил «из ничего», – навеян александрийской культурой. Он, безусловно, навеян полемикой с греческими философами, которая уже началась в среде александрийских евреев, в той самой среде, из которой вышел греческий перевод Ветхого Завета – так называемая Септуагинта.

Что же касается Книги Бытия, то в ней вообще не ставится вопрос об исходном материале. Был он, или не было его у Бога Творца, – здесь об этом абсолютно ничего не говорится. Библия не объясняет механизм творения. Библия не предлагает информацию для физика или историка вселенной. Нет, Библия благоговейно останавливает нас перед тайной творения, но не поднимает завесы над механизмом этой тайны.

Как един Бог, так внутренне един мир. Не задумываться над тем, каким методом действует Создатель, а созерцать красоту Его творения зовет нас Священное Писание и вдумчивый его читатель, живший в IV веке – святитель Василий Великий, который, заканчивая свою первую беседу на начало Книги Бытия, говорит: «Но мы, предоставив философам излагать друг другу эти мысли, сами же, не касаясь рассуждений о сущности и поверив Моисею, что сотворил Бог небо и землю, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотой; из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем вывод о Бесконечном, превышем всякого величия и по множеству Своей силы превосходящем всякое разумение. Хотя и не знаем мы природы сотворенного, но то одно, что в совокупности подлежит нашим чувствам, настолько удивительно, что самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы изъяснить как следует самонаименьшую часть мира и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во веки веков. Аминь»⁶.

Святитель Василий говорит: «Мы, предоставив философам излагать друг другу мысли о сущности земли, и неба, и вселенной, будем благодарить и прославлять наилучшего Художника». Пускай наука своими методами изучает историю Вселенной: на это у нее есть все права и для этого – все возможности. Библия не вступает в спор с наукой, Библия не запрещает естественные науки, не отменяет их воззрения на историю земли. Библия приглашает нас не спорить с учеными, а благодарить Бога Творца за тот мир, который предложен нашим очам,

⁵ См. 1 Кор 1:20.

⁶ Сравн: *Беседы на Шестоднев*. Беседа 1. С. 20. – Прим. Т.А.Прохоровой.

за тот мир, в котором мы живем, за то солнце, которое ежедневно восходит над землей, за тот воздух, которым мы дышим, – за всё, что Он ежедневно творит для нас, – за всё это зовет нас Священное Писание благодарить Творца.

«Бе-решит бара Элоhim...» Хочу обратить ваше внимание на слово «Бог», на иврите – «Элоhim». Удивительная особенность этого текста заключается в том, что само слово «Бог» употребляется во множественном числе. Почему? Да по той причине, что Бог больше, чем всё, больше, чем любая мысль о Нем, которая не в состоянии вместить Бога. Он больше, чем само слово «Бог», и поэтому наивный иврит для того, чтобы всё-таки попытаться вместить Бога в это слово, идет по такому странному для нас, но обычному для древних языков пути: использует грамматическую категорию множественного числа, чтобы, говоря о Едином, передать Его огромность, подчеркнуть Его неместимость ни в одно слово. (Добавлю в скобках, что о многих животных большого размера иврит тоже говорит во множественном числе, хотя имеет в виду, несомненно, одного зверя, – только для одного того, чтобы подчеркнуть его величину, которая не вмещается в простое слово, употребленное в единственном числе.)

Бог всегда больше; Бог всего больше. И ничто не может Его, Бога, вместить. Как восклицает царь Соломон (об этом повествует нам Третья книга Царств):

Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя,
тем менее сей храм, который я построил.

3 Цар 8:27

Небо и небо небес не вмещают Тебя, и само слово «Бог» тоже не вмещает понятие, наше представление о Боге. К Богу душа может только стремиться, как стремится олень на источники вод в пустыне. Но понять Его, объяснить Его или описать не в силах ни ум, ни сердце ни одного мыслителя, ни одного богослова или философа. К Богу можно только благоговейно и радостно прикоснуться. И благодарить Его, и воспевать, и радоваться за тот мир, который Он нам подарил, который Он нам отдал, чтобы мы его берегли для наших детей и внуков.

* * *

Земля была безвидна и пуста – «тогу ва-вогу», – так сказано на иврите. Овидий, римский поэт рубежа нашей эры, в своих «Метаморфозах» употребляет выражение, очень похожее на это библейское: *rudis indigestaque moles* – грубая и необработанная масса. Мы не знаем, читал ли Овидий Септуагинту или, быть может, какой-то стихотворный пересказ библейского рассказа о сотворении мира. Таких стихотворных переложений Библии в его времена в Александрии было уже не так мало. Во всяком случае, видно, что если и не из первых рук, но дошло до него это библейское выражение.

«Тогу ва-вогу» – безвидна и пуста. Земля была такой, как разоренная страна, после того как ушли враги, разрушив всё, что можно разрушить. Это сравнение не случайно: я взял его из Книги пророка Иеремии, который, описывая разорение своей страны, употребляет именно это библейское выражение: «тогу ва-вогу» – безвидна и пуста. Как после войны на земле ничего не остается, так и в первый день творения на ней еще ничего не было.

Овидий в своих «Метаморфозах» рассказывает нам о том, как творит Бог мир – тот мир, где потом поселятся люди:

Бог и природы почин раздору конец положили.
Он небеса от земли отрешил и воду от суши,
Воздух густой отделил от ясность обретшего неба.
После же, их разобрав, из груды слепой их извлекши,

Разные дав им места, – связал согласием мирным.⁷

С одной стороны, всё это, казалось бы, очень похоже на Библию, но, с другой стороны, в рассказе Овидия есть что-то механическое. Бог действует у него как ученый в лаборатории, как какой-нибудь римский фармацевт, который готовит лекарство в своих чашечках и мензурках.

В Библии нет ничего подобного. Повторяю: первое и почти единственное слово, которое приходит на ум, когда читаешь эти библейские стихи, – это слово *тайна*. Благоговейно останавливаться перед тайной – вот к чему призывает нас Священное Писание.

Безвидна и пуста была земля, еще ничего на ней не было, еще не было даже света, который бы осветил эту пустоту и безвидность. Как в учебниках по истории земли наша планета изображается в глубочайшей древности, как видим мы сегодня на фотографиях, которые поступают с других планет или с луны, – вот эти голые камни и голые кратеры, – примерно такой предстает земля в начале Книги Бытия.

«И Дух Божий носился над водою». Носился – на иврите «мерахэфет». Здесь употреблен очень редкий глагол с не совсем даже понятным значением. Ученый раввин по имени Бен Зома объясняет значение этого глагола следующим образом: «Дух Божий парил над лицом вод, как голубка над своими птенцами парит, но не касается их». Как голубка над своими птенцами, – вот как характеризует парение Духа Божьего, как объясняет этот глагол – «носился» или «мерахэфет» – ученый иудей.

Давайте посмотрим, что говорит об этом святитель Василий Великий в своем «Шестодневе», в своей второй беседе на Книгу Бытия. «Как же Он, – восклицает святитель Василий, – носился над поверхностью вод? Скажу тебе не свое мнение, но мнение одного сирийца, который был столько же далек от мирской мудрости, сколько близок к ведению истинного. Итак, он говорил, что сирийский язык выразительнее и, по сходству с еврейским, несколько ближе подходит к смыслу Писания (чем греческий, – имеет в виду святитель Василий. – Г. Ч.). Разумение сего речения, – продолжает святитель, – таково. Слово “носился”, как говорит он, в переводе греческом употреблено вместо слова “согревал” и “оживотворял” водное естество, по подобию птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагреваемому какую-то живительную силу»⁸.

Святитель Василий не знал иврита, но это незнание не делало его слепым. Он прекрасно чувствовал то, что не всегда чувствуем мы: что оригинал всегда точнее передает смысл текста, чем перевод. Святитель Василий, для того чтобы понять оригинал, не зная языка оригинала, обращается к опыту тех толкователей, которые были ближе к знанию иврита, которые хотя бы владели языком сирийским (или арамейским), в общем, конечно, очень близким к ивриту, и обнаруживает эту мысль. Он за полторы тысячи лет до современных филологов-библеистов говорит как раз о том, о чем сегодня говорит наука: что этот глагол – «носился», «мерахэфет» – взят из лексикона, рассказывающего о птице, которая, не покидая своего гнезда, держится над гнездом.

Вот откуда новозаветный образ Духа «в виде голубине», который «известоваше словесе утверждение», как поем мы об этом в тропаре праздника Богоявления. Здесь, уже на первой странице Священного Писания, показывается, как бережет Бог нас всех и мир для нас, бережет, как птица бережет своих птенцов, как защищает она свою кладку или своих маленьких от любой опасности.

Давайте теперь двинемся немного дальше по библейскому тексту и посмотрим, что говорится на первой странице Библии. «И сказал Бог... И сотворил Бог... И стало так. И увидел Бог, что это хорошо. И назвал Бог... И был вечер, и было утро». Все эти формулы повторяются многократно – один, другой, третий раз: и сказал Бог, и сотворил Бог, и стало так, и увидел

⁷ Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. Кн. I. Ст. 21–25. Перевод С.В.Шервинского.

⁸ Сравн.: *Беседы на Шестоднев*. Беседа 2. С. 33. – Прим. Т.А.Прохоровой.

Бог и т. д. Но каждый раз в них появляется какое-то новое слово или несколько слов. Сначала – свет, потом – твердь, т. е. Небо, потом – вода, затем – суша, зелень, трава, светила на тверди небесной, птицы, рыбы, звери и т. д.

Хотя здесь и нет четкого стихотворного ритма, каким является, например, гекзаметр в гомеровских поэмах, однако здесь ясно чувствуется поэтическая природа этого текста. Перед нами не научный трактат. Перед нами вечерний гимн во славу Творца. Я очень хорошо представляю, как в течение веков, не одно столетие – быть может, пятьсот, быть может, шестьсот лет подряд, – сохранялся этот текст, еще не записанный на папирусе или на коже, сохранялся в памяти людей и звучал по вечерам как вечерняя песнь Богу, как звучит теперь по вечерам наш гимн «Свете тихий, Святыя славы...» Так звучала среди кочевников и пастухов, собравшихся вокруг костра, эта библейская песнь. Распахнутый купол темного неба простирался над ними, сияли звезды, и кто-то из старших, кто-то из тех, кто помнил лучше всех этот текст, нараспев его провозглашал: «Бе-реши́т бара́ Эло́ѓим эт ѓа-шамáйим вэ-эт ѓа-áрец», и далее, и далее. И так века звучало Слово Божие и сохранялось, благоговейно и радостно, людьми в своей памяти и в своем сердце. И только потом оно было записано на папирусе.

2. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 1–4

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.

Быт 1:1–4

Давайте вслушаемся еще раз в эти слова: «И сказал Бог: да будет свет». И сразу исчезает безвидность и бесформенность земли. Сама мысль о том, как свет из тьмы воссиял, – сама мысль эта приводит в восторг того, кто открывает Священное Писание, или того, кто вспоминает этот библейский стих. Вспомните, как говорит об этом апостол Павел:

Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, – есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших к нашему просвещению познанием славы Божией в лице Иисуса Христа⁹.

2 Кор 4:6

Для меня всегда наступает особый момент, когда я дохожу до этих слов во Втором Послании к Коринфянам. Я очень хорошо представляю, с каким именно восторгом, с каким огромным воодушевлением повторял эти слова святой апостол.

Свет – это, если хотите, первая в истории вселенной икона, на которой изображен Тот, Кого изобразить нельзя, – Бог. Более всего именно через свет Бог выражает Себя и обнаруживает Свое присутствие в мире. Не случайно же апостол и евангелист Иоанн Богослов прямо говорит: «Бог – это свет»¹⁰. Каждый знает это из своего собственного опыта. Бог – это свет, Бог обнаруживает Себя через сияние этого света.

«Свет, сотворенный Богом в первый день творения, – говорил ученый рабби Елеазар, – свет этот был такой чистоты и силы, что человек мог видеть от конца до конца вселенной. С появлением на земле греха и порока дивный свет этот начал тускнеть и, наконец, отнят был Вседержителем у земного мира. Он, – говорит этот ученый толкователь Ветхого Завета, – уготован праведникам в загробной жизни».

Свет не вечерний, свет подлинный, свет первого дня творенья уготован праведникам, по мнению иудейского мудреца, в их загробной жизни. И когда слышишь эти слова, то хочешь того или нет, но сразу вспоминаешь слова из латинской молитвы: “Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis” – «Вечный покой даруй им, Господи, и свет вечный да сияет им». Свет вечный да сияет усопшим, – так молятся христиане Запада о том, кто ушел из этой жизни.

И здесь мы видим, что и в иудейской, и в западной христианской традиции, и – скажу, забегая вперед, – в восточной тоже, смерть одинаково понимается как вхождение в не вечерний свет, как вхождение в «Свет истинный», как сказано в Прологе Евангелия от Иоанна (глава 1, стих 9), – как вхождение в сияние Божества.

И вспомните, пожалуйста, наш православный византийский чин отпевания, где есть слова:

⁹ Цитата приведена автором в переводе епископа Кассиана (Безобразова). – Прим. Т.А.Прохоровой.

¹⁰ Сравн. 1 Ин 1:5.

Светлаго и Божественного получить сияния Твоего, Христе, верую преставляшагося благоволи, в недрах Авраамовых упокоение, яко Един милостив, сему даруяй, и вечного сподобляяй блаженства¹¹.

Свет невечерний, светлое и Божественное сияние Христово даруется усопшим. Знает это и наша Православная Церковь.

Владимир Соловьёв в своей работе «Красота в природе» прямо говорит: «Природа прекрасна только озаренная, небо прекрасно только озаренное». Пока темнота, пока на небе нет света, оно безобразно, оно не видно и пусто, как сказано на первой странице Библии. Но как только первый луч света проникает на небосвод, он изменяется, и весь мир тоже изменяется. Свет выступает из тьмы. На этом кончается первый день творения.

Хочется еще заметить, что свет первого дня творения, о котором говорит ученый рабби Елезар, – свет особой чистоты и силы, – наверное, знаком каждому из нас по своему личному опыту. Помню, как я в церкви под Москвой, в деревне Наташино, молился, – а было это, наверное, двадцать пять или почти тридцать лет тому назад. Служил в этой церкви мой покойный друг, протоиерей Сергей Хохлов, я ему иногда помогал. И вот совершалась Божественная Литургия. Дождик, полумрак, мгла. Кончается служба. На клиросе певчие запели гимн «Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небеснаго...» И при этих именно словах: «Видехом Свет истинный», – вдруг всё в храме озарилось. Через окно, что под куполом, хлынул свет, заливая весь храм. Вот именно тот свет, как мне кажется, это и был, о котором говорится на первой странице Книги Бытия. Прошло тридцать лет, но я помню этот день, помню самое это мгновение, помню лучи этого света, хлынувшие сверху откуда-то сквозь окна на нас, и на храм, и на всех молящихся, как будто это было сегодня утром. В богослужении действие Божие называется странным словом «Светолитие». И вот тот момент, так давно пережитый в маленькой церкви под Москвой, – я его по-другому, другими словами, нежели *Светолитие*, назвать просто-напросто не могу.

«И рече Бог: да будет свет», – вспоминает эти библейские слова святитель Василий Великий в своей беседе на Шестоднев и говорит: «Первое Божие слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, обвеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид. Явилось небо, покрытое дотоле тьмою; открылась красота его в той мере, в какой еще и ныне свидетельствуют о ней взоры. Озарился воздух, лучше же сказать, в целом своем объеме растворил всё количество света, повсюду, до самых своих пределов, распространяя быструю передачу лучей... – и дальше продолжает святитель Василий, – эфир стал приятнее при свете; воды сделались светлее, не только принимая в себя лучи, но и испуская их от себя чрез отражение света, потому что вода во все стороны отбрасывала отблески. Божиим словом всё изменено в приятнейший и честнейший вид. Как пускающие в глубину воды масло производят на том месте блеск, так и Творец всего, изрекши слово Свое, мгновенно вложил в мир благодать света. *Да будет свет*. И повеление стало делом: произошло естество, приятнее которого к наслаждению невозможно ничего и представить человеческим разумом»¹². Так говорит святитель Василий, употребляя удивительное выражение: «благодать света».

И мы с вами сегодня, в XX веке, тоже живем, получая от Творца всего каждый день благодать света. Через свет являет Он нам Себя. И светом заливая всё вокруг, и утешает, и укрепляет нас, и, радуя наши взоры и наше сердце, ведет нас по жизни, освещая светом Своим наш путь.

¹¹ См. стихиры после 9-го ирмоса в чине отпевания. – Прим. Т.А.Прохоровой.

¹² Сравн.: *Беседы на Шестоднев*. Беседа 2. С. 34–35. – Прим. Т.А.Прохоровой.

3. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 5–8

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. (И стало так.) И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом.

(И увидел Бог, что это хорошо.) И был вечер, и было утро: день второй.

Быт 1:5–8

Что значит в этом месте Священного Писания само слово «день»? Мне думается, что на этот вопрос неплохо отвечает другая книга Ветхого Завета – Книга Псалмов:

Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи.

Пс 89:5

День, о котором говорит Священное Писание, безусловно, не равен двадцати четырем часам и, безусловно, не равен световому дню в то или иное время года. Это огромный промежуток времени, но какой именно – мы сегодня представить не можем. Здесь Библия прямо указывает нам на то, что далеко не сразу вселенная приобрела тот вид, который имеет теперь. Шли эпохи, длинные, огромные, и Бог в эти эпохи созидал вселенную. Созидал землю. Свет уже разливался по миру, уже сиял свет во вселенной. И вот Бог говорит: «Да будет твердь посреди воды». Всмотримся в этот стих, как можно всматриваться в картину, как можно всматриваться в гравюру. Что мы увидим здесь? Купол неба над бескрайним простором океана, над бескрайним простором морей. Вот он – мир утром второго дня.

«Твердь» на иврите – «рақіа», а по-гречески – στερéωμα, т. е. пространство. Слово того же корня, что и стереометрия, которую изучают в школе, – наука о пространственных фигурах. Еврейское же слово «рақіа» происходит от глагола «рақá» – растягивать, простирасть или раскрывать, как раскрывают шатер. Вспомните, как об этом – о небе и его сотворении – говорится в 103-м, так называемом предначинательном, псалме, который читается во время богослужения в начале вечерни.

Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием. Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; устрояешь над водами горние чертоги Твои.

Пс 103:1–3

Вот это небо, распростертое, как шатер. Вот оно, небо, про которое мы не случайно говорим «распростертое небо», имея в виду именно шатер, купол или крышу. Небо – «рақіа», небесный свод – образует и ограничивает как раз то жизненное пространство, в котором будет жить человек. Если хотите, это и есть крыша нашего дома, того огромного бескрайнего дома, имя которому – Земля. Того дома, который еще вчера казался слишком большим для нас, людей, а сегодня мы уже видим, какой он маленький. Сегодня мы уже видим, что это действительно наш дом, единственный и общий. И небо распростерто над нами, как его крыша.

Бог изображается здесь, в этом гимне, именно гимне, а не богословском трактате, в этом песнопении, потому что первая глава Книги Бытия представляет собой как раз песнопение, молитвенное воспевание Бога, – Бог изображен здесь как Художник. И об этом же говорит в своем Шестодневе святитель Василий Великий: «Художник и прежде сложения знает красоту каждой части и хвалит ее отдельно, возводя мысль свою к концу, – говорит святой Василий. И дальше. – Подобным художником, одобряющим каждое свое произведение порознь, изоб-

ражается теперь и Бог. Но Он воспишет приличную похвалу и целому миру, вместе взятому, когда будет он совершен»¹³.

Бог как Художник. В отличие от языческих мифологий, где обычно Бог Творец, как, например, Хнун у египтян, изображается как ремесленник. И, наверное, очень важно увидеть эту разницу. Боги в языческих мифологиях, боги в фантазиях древних народов уподобляются нам, людям. А Бог Творец, Бог «небесе и земли», Которому мы поклоняемся и Который нам Сам открылся, с нами не сравнивается. Наоборот: мы приглашаемся подражать Ему.

В чем выражается творческий акт? Об этом сказано в Священном Писании словами: «Сказал Бог», – именно так всегда, во всех без исключения случаях. И в другом месте говорится иными словами, но о том же самом – о творческом Слове Бога. Я имею в виду 32-й псалом:

Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – всё воинство их. Он собрал, будто груды, морские воды; положил бездны в хранилищах. Да боится Господа вся земля; да трепещут пред Ним все, живущие во вселенной. Ибо Он сказал, – и сделалось; Он повелел, – и явилось.

Пс 32:6–9

Библия предлагает нам смотреть на мир как на Его творение, как на произведение, которое Он создает Словом Своим, и восхищаться этим Его творением.

«И увидел Бог, что это хорошо», – вот одна из ключевых фраз этого библейского рассказа, рассказа о сотворении мира. «Хорошо» – по-еврейски «тов» или по-гречески καλόν – это хорошо и в том смысле, что прекрасно внешне, и в том, что прекрасно нравственно, и в том, что полезно для тех, кто это получит в свое владение. Мир, который сотворен Богом и который Он, Господь, продолжает творить, – и внешне прекрасен, и прекрасен внутренне, в нравственном смысле.

Вспоминается мне, как рассказывает святитель Димитрий Ростовский о святом Антонии Великом, – старце, монахе, у которого не было книг, и когда спрашивали у него, почему нет у него книг, он говорил: «Как нет? У меня есть книга, Самим Богом написанная, – этот мир. И когда я хочу ее почитать, то я раскрываю ее, взирая на это небо, взирая на эти горы. Читаю и восхищаюсь». Именно восхищаться миром призывает нас опыт многовековой, двухтысячелетний, – опыт Церкви.

Мир достоин восхищения. Мир, который прекрасен, прекрасен внешне и прекрасен внутренне, может очень многому научить нас, если мы будем в него всматриваться, если мы будем прислушиваться к самой природе.

Мы еще увидим, как учит нас прислушиваться к природе в своем Шестодневе святитель Василий Великий. А сейчас мне хочется вспомнить, как лет двадцать тому назад я путешествовал по Калужской области и шел пешком в Тихонову пустынь. И помню, очень хорошо помню: чем ближе подходил я к разрушенному монастырю Тихона Медынского, тем прекраснее вокруг становилась природа. Удивительное дело: монастырь был разрушен, заброшен; колокольня невзорванная – единственное, что осталось от взорванного собора, – расколота на две половинки снизу доверху так, что даже колокола с нее снять было невозможно. Но, несмотря на эту разрушенность, обезображенность и опустошенность, до чего же была красива земля, природа, деревья, небо, травы и цветы вокруг этого монастыря! Природа, Богом сотворенная и обнаруженная для нас преподобным Тихоном, который здесь ходил, который здесь молился и трудился, который и нам указал место это, чтобы мы восхищались им и любовались.

¹³ Сравн.: *Беседы на Шестоднев*. Беседа 3. С. 59. – Прим. Т.А.Прохоровой.

Бог призывает нас восхищаться Своим творением, и если мы об этом забываем, если мы этого не делаем, то очень быстро превращаемся в сухих, раздраженных и забывших о Боге людей.

4. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 26–28

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, (и над зверями,) и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, (и над зверями,) и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею,) и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Быт 1:26–28

Первая Книга Священного Писания, Книга Бытия, которая на греческом языке называется Γένεσις, что значит Книга Происхождения, Книга Начала, рассказывает нам о первых шагах истории человечества. Совершенно ясно, что в этом очень кратком повествовании о сотворении человека говорится что-то чрезвычайно важное для каждого из нас. Давайте попытаемся понять, что именно.

Во-первых, человек создан последним, он появляется на земле, когда всё остальное уже есть. Это значит, что человек действительно является венцом творения. И значит это, что человек приходит на землю для того, чтобы быть в ответе за нее. И об этой ответственности человека за землю будет сказано ниже, в следующем, 29-м, стихе, где Бог говорит человеку прямо: «Я даю вам всякую траву, всякое дерево». И это очень важно понять. Человек приходит на землю последним, но человек ответствен за эту землю.

Во-вторых, из этого библейского рассказа сразу становится ясно, что в человеке есть Божественный элемент: человек создан по образу и подобию Бога. Человек – это не просто живое существо, но существо, в которое Бог вложил Свой образ.

Третье. Растения предназначены в пищу человеку и, следовательно, подчинены ему. А раз подчинены, значит, он, человек, мы, все люди на земле, несем ответственность за эти растения.

Четвертое. Человек имеет власть и над животными. Об этом прямо говорит Священное Писание, об этом прямо говорит Бог:

И владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Быт 1:28

Пятое. Различие полов – от Бога, сотворено Самим Богом. «По образу Божию сотворил его (человека), – говорит Писание. И дальше, – мужчину и женщину сотворил их».

Шестое. Произведение на свет потомства есть исполнение промыслительного плана Бога. Об этом тоже говорится в Библии прямо:

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.

Быт 1:28

В делах, которые творит Бог, не содержится зла. Это, наверное, седьмой, быть может, последний вывод, который необходимо сделать, читая этот рассказ.

Ключевое слово повести о сотворении мира – еврейское слово <тов> – «хорошо»: «И увидел Бог, что это хорошо». А кончается рассказ словами особенными – я имею в виду 31-й его стих:

И увидел Бог всё, что Он создал, и вот хорошо весьма.
Быт 1:31

Не просто хорошо творение, когда Бог взирает на него, обозревая всё вместе, но «хорошо весьма».

Это очень важно. Потому что, таким образом, зло в мире – и это прямо подчеркивает святитель Василий Великий в своем Шестоднев – не от Бога, а от людей, от нас с вами, от нашего эгоизма, от нашей раздражительности, от нашей лени, от зависти и от всех остальных наших грехов и пороков.

Когда читаешь библейский рассказ о сотворении человека, сразу обращаешь внимание на то, что Бог вызывает к жизни не людей, а именно человека, первую человеческую пару. Ниже, во второй главе, будет говориться о том, что Адам и его жена – первые люди на земле. Он и она – первая семья. И все остальные люди произойдут от них.

Мы, христиане, настолько привыкли к этому рассказу, что зачастую просто не задумываемся над ним. А вот люди неверующие, ученые и не очень, часто негодуют по поводу библейского рассказа, его антинаучности, подчеркивая, что такого не могло быть, что не может целый биологический вид вырасти от одной пары. Не нам, наверное, решать историю человека как вида, тем более что не об этом говорит Священное Писание.

Рассказ о сотворении первого человека, первой человеческой пары, Адама и Евы, – это не страница из истории человека как биологического вида, не страница из учебника по общей биологии. Это что-то несравненно более важное, несравненно более необходимое каждому и каждой из нас, чем страничка из школьного или вузовского учебника.

Библия вообще написана не для того, чтобы рассказать о том, что было, но для другого – для того, чтобы рассказать, что нам делать сегодня, чтобы не погибнуть. И вот если мы посмотрим на этот рассказ на икону, и увидим первую человеческую пару, увидим Адама и Еву как наших бесконечно далеких по времени, но дедушку и бабушку, и поймем, что это не только мои предки, но это предки всех и каждого из тех людей, что живут сегодня на земле, то тогда, взирая, повторяю, на этот рассказ как на святую икону, мы поймем, что все люди на этой земле – братья и сестры, двоюродные, троюродные, пятнадцати-, тысячеюродные, но – братья и сестры. Что все мы дети одной семьи, выходцы из одного дома – из дома Адама и Евы. Что нет на земле чужих, что все свои, что все здесь родственники, что все здесь восходят к одному корню, что во всех течет одна кровь – кровь Адама и Евы. Ничто другое, как этот рассказ из Книги Бытия, такой древний, такой краткий и такой, как нам кажется временами, наивный, – ничто другое не возвещает нам так пронзительно эту удивительную истину, истину от Бога: все люди – братья и сестры. Здесь нет чужих. Здесь все родные. И как в нашей обычной жизни мы стараемся родных беречь и не можем их не любить, так и в целом мы, люди, все друг другу родные, восходящие к дому Адама и Евы, не можем не беречь друг друга.

5. Книга Бытия. Гл. 1. Ст. 26–31

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, (и над зверями,) и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, (и над зверями,) и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею,) и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому (гаду,) пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Быт 1:26–31

Бог, сотворивший человека, говорит первым людям: «Обладайте землею, владычествуйте над рыбами, над птицами, над всякими животными; вот, Я даю вам, – говорит Бог первым людям, а вместе с ними и каждому из нас, – вот, Я даю вам зелень травную».

Бог вручает землю со всеми ее растениями и водами, с реками и морями, со всеми ее животными, – человеку. И ставит человека перед лицом ответственности за этот мир.

В нашей власти превратить землю в выжженную пустыню или, наоборот, сохранить и приумножить всю ее красоту и ее богатство. Для древнего читателя Книги Бытия проблем при чтении этого места не возникало. Да, человек – венец творения, это известно, это ясно и понятно. Поэтому тот дар, который Бог нам дает, воспринимался людьми былых времен как нечто естественное.

Но, начиная, во всяком случае, уже с XVII века, философы стали задумываться над этим местом Книги Бытия и над этим местом вероучения христианского и подчеркивать, что здесь что-то на самом деле не так, что-то неверно. С точки зрения Рене Декарта и многих уже его современников, здесь, в первой главе Книги Бытия, мы сталкиваемся с наивным антропоцентризмом, с наивным помещением человека в центр вселенной. Человек, который так мало может, человек, который бессилен перед стихией, перед временем, перед болезнями, перед самыми разными испытаниями и явлениями естественной жизни мира вокруг нас, – какой же он центр вселенной? Какой же он хозяин на этой земле? Человек – это несчастное маленькое существо; наделенный, быть может, разумом, но всё равно муравей, который только почему-то вообразил, что он есть центр вселенной. Так рассуждали мыслители и XVII, и особенно – XVIII века. Эта точка зрения дожила до века двадцатого и стала особенно популярной в наше время¹⁴. Я имею в виду не совсем сегодняшний день, а, скорее, первую половину XX века.

Но потом вдруг всё изменилось. Технические возможности человека выросли до такой степени, что за считанные годы, прошедшие между началом и концом Второй мировой войны, стало ясно, что действительно у человека есть возможность уничтожить этот мир. Есть возможность взорвать его при помощи атомной или водородной бомбы, отравить его при помощи химии, лишить землю ее плодородности, сделать из животных несчастных инвалидов путем

¹⁴ То есть последние годы XX века.

распространения радиоактивного яда по всему лицу земли, отравить реки и моря, убить в них рыбу и т. д. Оказалось, что всё это действительно возможно. Оказалось, что права не мыслители Нового времени, а права Библия, в которой прямо говорится о том, что человеку вручена земля, чтобы он был здесь хозяином, чтобы он властвовал над нею и отвечал за то, что Бог дал ему в руки.

Перед человечеством невероятно остро встала задача оберегать эту землю, потому что действительно сегодня ни от кого, кроме как от самого человека, не зависит: уничтожить или сохранить ее. Да, быть может, человек действительно такой муравей, каким представляли его мыслители XVIII столетия, такой червь, каким он называется в одном из псалмов, но этот червь может очень многое. В руках его очень много средств для того, чтобы творить зло, но в сердце и ум его вложена потребность остановить это зло и делать добро, не губить, а сохранять ту землю, которую вручил ему Бог.

В только что прочитанном тексте из Книги Бытия рассказывается как раз о том, как Бог вручает землю нам, вручает для того, чтобы мы за нее отвечали. Ответственность! Это слово почти не встречается не только на страницах Священного Писания, оно не встречается даже в большинстве богословских трактатов, которые во множестве накопились за две тысячи лет истории Церкви. Но сегодня всё больше и больше именно слово «ответственность» проступает на страницах Библии. Оно здесь присутствует. И присутствует чуть ли не на каждой странице, может быть, в каждом стихе. Но, как говорят обычно философы, оно находится здесь имплицитно – присутствует в скрытой форме.

Сегодняшний читатель Библии, если он не просто читает текст, но и сравнивает прочитанное с тем, что видит вокруг себя, без труда может убедиться в том, что Бог с этих именно страниц призывает нас к величайшей *ответственности* за тот мир, который Он создал для нас и нам вручил. Давайте никогда не будем забывать об этом. Особенно когда мы открываем Библию и начинаем читать Книгу Бытия.

6. Книга Бытия. Гл. 2. Ст. 4–20

Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли; но пар поднимался с земли, и орошал всё лице земли. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон (Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр): она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат. И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

Быт 2:4–20

Здесь, в начале второй главы Книги Бытия, содержится, без сомнения, второй, отличный от первого рассказ о сотворении человека. В первом из двух библейских рассказов, в том, который находится в конце первой главы Книги Бытия, говорится о том, что человек появляется на земле последним. Уже создан весь мир, уже сияют над землей звезды, растут травы и деревья, поднимается пар от лица земли, которую уже населяют птицы и животные, гады и пресмыкающиеся. В озерах, реках и морях уже плещутся рыбы, а человека всё еще нет. Он появляется последним.

И совсем по-другому рассказывается в этом отрывке, взятом нами из второй главы Книги Бытия. Здесь на земле еще нет ни животных, ни птиц. Их творит Господь, их вызывает Бог из небытия уже в тот период, когда человек сотворен, когда человек уже присутствует при том, как продолжает Бог творить мир.

Если в первом рассказе человек приходит в уже полностью созданный для него мир, то здесь, во втором рассказе, человек участвует в творении мира вместе с Богом.

Как объяснить присутствие в Священном Писании и того, и другого рассказа? Как объяснить противоречивый, на первый взгляд, характер двух этих рассказов? Наверное, для того чтобы разобраться в этом, надо понять, что из Священного Писания мы не можем извлечь никаких научных фактов, никакого рассказа о том, как складывалась наша вселенная и как развивалась наша планета от древнейших времен и далее. Это не учебник по исторической геологии или палеонтологии, антропологии и т. д.

Обо всём этом рассказывают нам науки, которые развиваются, которые изменяют свое отношение к разным проблемам: в науках возникают новые гипотезы и, наоборот, отвергаются старые. Потом кто-то из ученых возвращается к отвергнутой гипотезе, но только, конечно, уже на новом уровне. И так наука развивается всё дальше и дальше.

А вот библейский текст уже как минимум три тысячелетия сохраняется, и сохраняется в неприкосновенном виде. К нему не прикасаются ученые, чтобы его изменить. К нему прикасаются только филологи и переводчики, для того чтобы его истолковать, для того чтобы его перевести, как можно точнее передав при этом тот смысл, который был вложен в него некогда, а именно – приблизительно три тысячи лет тому назад.

Ни из первой, ни из второй главы Книги Бытия, ни из какого другого места Библии нельзя сделать выводы ни относительно справедливости эволюционной теории, ни относительно справедливости взглядов тех, кто исповедует креационизм. Нельзя сказать, читая Библию, как возникла земля, как возникли виды сегодняшних растений и животных, развивались они от простейших к более сложным, как считают эволюционисты, или появились на земле такими же, каковы они сегодня, как считают креационисты. Ни то, ни другое не предлагает нам Библия в качестве готовой теории.

Библия говорит о чем-то третьем, о чем-то несравненно более важном, чем та или другая научная система или гипотеза. Если мы взглянем в тот рассказ, который был только что нами прочитан, если мы вчитаемся в него, рассмотрим, если мы будем над ним размышлять, то мы увидим, что в этом рассказе есть одно ключевое слово. Это слово – *человек*. Именно человек является ключевой фигурой в истории земли. Без человека и вне человека земля, если хотите, теряет свой смысл. Не о последовательности появления видов на земле говорит прочитанный нами рассказ, а именно о том, что без человека мир этот не был бы осмыслен. Без человека мир этот не был бы познан, не был бы описан.

Смотрите, как говорит нам об этом Библия в 19-м стихе второй главы Книги Бытия:

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

Быт 2:19

Человек животным, растениям, рыбам, птицам и т. д., – всему, что его окружает, дает имена. И вне этого творчества человеческого нет земли. Она становится пустой и бессмысленной.

Сегодняшний рассказ говорит об огромном месте, которое предоставлено в этом мире человеку. И рассказ этот призывает нас – в других словах, чем предыдущий библейский текст, – к величайшей ответственности за землю, которая нам дана, к величайшей ответственности за жизнь на земле, жизнь животных и растений и нашу с вами собственную жизнь, – призывает к величайшей ответственности перед Богом за всё, что мы делаем, и за то, чего мы не делаем.

К сожалению, мы очень часто забываем об этом. К сожалению, мы очень часто живем на этой земле, как будто можем уйти с нее и поселиться где-то в другом месте, на другой, еще пока не испорченной, не загрязненной нами планете. Нет, такой возможности у нас нет и никогда не будет. Наша задача заключается в том, чтобы сберечь мир вокруг нас для наших детей, внуков и правнуков, чтобы сберечь всё то, что Богом нам даровано, что Богом для нас сотворено. Сберечь, сохранить и не повредить. Давайте не забывать об этом.

7. Книга Бытия. Гл. 2. Ст. 21–24

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа (своего). Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть.

Быт 2:21–24

Хочу подчеркнуть, что о том, как сотворена была женщина, в Библии говорится, как минимум, четыре раза. Первый раз в первой главе Книги Бытия мы встречаем такие слова:

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

Быт 1:27

Второй раз о сотворении женщины говорится здесь, во второй главе, в только что прочитанном отрывке. Наконец, пятая глава Книги Бытия начинается со слов:

Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их.

Быт 5:1–2

И затем уже в Новом Завете, в девятнадцатой главе Евангелия от Матфея, и в Евангелии от Марка в десятой главе, Спаситель возвращает нас к этим же словам Книги Бытия:

Посему оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей; и будут два одной плотью.

Мф 19:5

А мы знаем из опыта чтения Библии, что то́ представляется самым важным и то́ действительно является в Библии самым существенным, что сказано не один раз, а повторено несколько раз в разных словах, в разных книгах, в разных местах Писания. Значит, речь здесь идет о чем-то очень важном. Человек мыслится Священным Писанием именно как мужчина и женщина. Разница между полами глубочайшим образом укоренена в самом Божьем замысле. Именно эта разница делает человека человеком. Именно эта разница делает возможным брак, то есть соединение двух людей воедино. Здесь очень важно подчеркнуть, что женщина призывается в мир не как служанка для мужчины – такой образ женщины встречается нередко в греческой мифологии, – нет, женщина призывается в этот мир как помощник для мужчины. Причем подчеркивается – вторая глава, 20-й стих, – что среди животных, которых сотворил Бог для человека, такого помощника для себя мужчина найти не сумел.

Бог творит женщину из ребра мужчины. Я думаю, что вряд ли найдется человек на белом свете, который не знает про это ребро. Даже те, кто никогда не читал Священного Писания, кто никогда не открывал Библию, всё равно знают, что здесь рассказывается о ребре. О ребре, которое взял Господь у спящего Адама и создал для него жену и помощницу. Но, конечно же, на самом деле еврейское слово «целá» – это не только ребро: это грань, это сторона, может быть, грань или сторона личности. Так, скажем, то, что у мужчины будет мужеством, у женщины заменяется мягкостью. Мужчинам не хватает доброты, а женщинам не хватает решительности. Мужчина, с его мужеством и иногда даже с его агрессией и жестокостью, дополняется женской мягкостью. Его решительность дополняется ее добротой, ее верностью. В женском характере

есть как раз то, чего не хватает в характере у мужчины. Поэтому взаимоотношения между полами именно здесь, в Библии, в отличие от большинства древневосточных или античных источников, характеризуются не подчинением, а дополнением. Потому что если возьмем другие тексты: мифологию, философию, поэзию древних народов, – то везде речь идет о жесткой подчиненности женщины мужчине. И, наоборот, в тех случаях, когда мужчины подчинены женщинам, – это всегда выглядит как что-то анекдотичное, зверское, не соответствующее природе. Это должно вызывать или ужас, как рассказы об амазонках, или смех, как эллинистические истории о том, как Геракл находился в подчинении у одной из своих возлюбленных и, в то время когда она ходила на войну, сидел дома и пряд пряху. Итак, значит, для древности вообще типично представление о подчиненности женщины мужчине. Здесь, в Библии, мы видим принципиально иную картину. Речь идет не о подчиненности, а о соотнесенности, о том, что один пол дополняется другим.

Но что же всё-таки это ребро означает? Не случайно о ребре знают все. И не могут не знать, потому что это что-то очень конкретное, очень запоминающееся, сразу бросающееся в глаза. Что же это такое? Что значит ребро как чисто зрительный образ? Возможно, речь идет о том, что ребро закрывает сердце человеческое, что ребро берется от сердца, что эта невидная и незаметная снаружи косточка закрывает то самое главное, что делает человека непохожим на все остальные живые существа, – его сердце.

Женщина отрывается от сердца ее будущего мужа. А тот об этом ничего не знает. Он спит. И затем к просыпающемуся, к не проснувшемуся еще окончательно Адаму Бог приводит ее – глава вторая Книги Бытия, стих 22-й: «И привел ее к человеку». Происходит встреча, первая встреча будущих мужа и жены. Первая встреча тех, кто никогда друг друга не видел, а при этом являются одной частью другого. Эта встреча в Библии описана буквально одной короткой фразой. Но если мы начнем листать Священное Писание дальше, то увидим, что за этой первой встречей будущего мужа со своей будущей женой следует целый ряд встреч: Авраам встречается Сарру, Исаак – Ревекку, Иаков – Рахиль. И если мы вспомним об этой последней встрече, о встрече Иакова с Рахилью, то окажется, что он, увидев ее, заплакал¹⁵. Почему заплакал Иаков? Достаточно мужественный, достаточно резкий человек, человек из далекого прошлого, жесткий, безжалостный, обожженный солнцем скотовод. Он заплакал, увидев Рахиль. Он почувствовал своим сердцем что-то такое, чего никогда прежде не чувствовал. Он почувствовал отдающую свою собственную ей, этой девушке, и отдающую ее, юной Рахили, ему – ее будущему мужу.

О таинственности, о многогранности, о глубине связи, которая соединяет мужчину с женщиной, жениха с невестой, мужа с женой, говорит и этот прочитанный нами библейский рассказ. Далеко не одно только деторождение, не одна только связь ради продолжения рода или ради физиологического влечения соединяет воедино мужа и жену. Их соединяет сердце. Их соединяет что-то в высшей степени глубокое и укорененное в древнейшей, в первоначальной истории человечества, запечатленное три раза на первых страницах Библии. Давайте подумаем об этом и постараемся увидеть во взаимоотношениях мужа и жены не только нечто физиологическое, хозяйственное или социальное, а именно то духовное, роднящее людей друг с другом в Боге, о чем говорит нам Священное Писание.

¹⁵ См. Быт 29:11.

8. Книга Бытия. Гл. 3. Ст. 1–12

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: “не ешьте ни от какого дерева в раю”? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания. И слышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: (Адам,) где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал (Бог): кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.
Быт 3:1–12

Прежде всего, обратим внимание на то, что ни один сегодняшний исследователь – библист, филолог, лингвист, историк и т. д. не может сказать, что представляет собой литературная форма этого текста, как и вообще литературная форма первых глав Книги Бытия. Это не поэзия и не проза, не эпос, не какой-либо другой вид литературы. Можно сказать, наверное, что эти тексты напоминают живопись, фрески или рельефы; только выполнены они не красками, не резцом по камню на стене храма, а написаны словами на древнем свитке. Всё, что изображается здесь, действительно очень легко представить в виде зрительных образов: и дерево, и змей, который спускается по его стволу, и спящий Адам, и Ева; на дереве висят плоды, прекрасный вид которых привлекает Еву, и т. д.

Я помню, как однажды шел по Милану и зашел в храм (до сих пор не знаю, как он называется) и увидел там несколько фресок на тему первых глав Книги Бытия. Фрески XV века, сохранились они довольно хорошо и для Италии даже не кажутся древними. Но когда я посмотрел на них, то как-то сразу и очень остро понял, до какой степени связано именно с изобразительным искусством начало Священного Писания, начало Книги Бытия. Попытаемся взглянуть на этот текст именно так, как мы вглядываемся в картину, во фреску, в рельеф, в икону и т. д.

Змей на иврите – «нахáš». Слово происходит от глагола со значением шептать, шипеть, нашептывать, гадать и т. д. Именно с его нашептывания в мир входит зло. Змей действительно начинает со лжи. Он говорит: «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» Из предыдущей главы, из 16-го и 17-го стихов второй главы Книги Бытия, мы знаем, что Бог сказал человеку: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Итак, змей предлагает Еве некую полуправду: «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» А Бог сказал что-то другое, – другое, но не совсем, другое, но похожее, и это рождает в сердце Евы сомнения.

Змей вообще достаточно распространенный образ в древних религиях, особенно Востока, причем именно как олицетворение зла. Змей Апоп борется с солнечным богом Ра у египтян. Змей похищает у героя вавилонского эпоса Гильгамеша траву жизни, которую тот

добыл на дне моря, чтобы вернуть жизнь своему погибшему другу Энкиду. И здесь, в Книге Бытия, тоже как олицетворение зла действует змей. В Библии змей передергивает сказанное Богом, вводит в оборот полуправду и, таким образом, заставляет Еву задуматься: а правду ли сказал им Бог или обманул их? Здесь, в словах змея, содержится призыв увидеть в Боге злого идола. Увидеть в Боге, Который сотворил небо и землю со всею лепотою их, – языческого божка, который жаден и коварен, злобен и завистлив. «Не хочет ли Он обмануть вас, скрыть от вас что-то хорошее, не допустить вас к чему-то прекрасному?» – примерно так провоцирует змей Еву. Так он соблазняет ее, и она поддается: «Взяла плодов его и ела», – говорит нам Библия.

Дерево манит Еву. А рассказ о том, как змей ее искушает, складывается и сохраняется в памяти народа, который живет не в полной изоляции, не на необитаемом острове, а среди других народов. С одной стороны – египтяне, с другой стороны – финикийцы, сирийцы, вавилоняне, ассирийцы и т. д. Этот библейский рассказ складывается, сохраняется в памяти народной и передается из поколения в поколение на фоне мифов и религий других древних народов. А боги этих народов, как любил подчеркивать философ А.Ф.Лосев, обманывают и лгут, смеются над людьми и даже издеваются над ними, пьянствуют и предаются блуду. Эти боги ненавидят людей и предают их. Библейский рассказ о грехопадении сохраняется в памяти народа Божьего на фоне истории с яблоком раздора – того яблока, с которого началась Троянская война.

Ева, наслушавшись того, что ей говорит змей-искуситель, делает рывок к свободе от Бога, в Котором увидела злого демона. Если хотите, она здесь выступает в роли Прометея, который у злых и завистливых богов похищает огонь, для того чтобы дать его несчастным людям, для того чтобы помочь людям выйти из того приниженого состояния каких-то земляных муравьев, в котором жили они, согласно греческому мифу, прежде. Ева увидела в Боге демона, увидела в Боге обычного идола и пытается вырваться от этого идола на свободу. Срывает плод с древа познания. Что происходит в результате? К чему приводит этот порыв Евы? Об этом мы поговорим дальше.

* * *

Перечитаем еще раз начало третьей главы Книги Бытия. Вопрос, над решением которого люди мучаются уже не первое тысячелетие, заключается в следующем: а в чем именно состояло грехопадение прародителей?

Одни считают, что оно заключалось в нарушении запрета, в непослушании Адама и его жены: Бог запретил срывать плоды с этого дерева, они сорвали и, таким образом, нарушили Его запрет. Но, если Бог ведет человека путем запретов, тогда библейская религия ничем не отличается от других религий древнего мира. Потому что, в сущности, все религии построены на запретах. Все, но не библейская. В чем же тогда заключается суть грехопадения?

Есть точка зрения вторая, согласно которой грехопадение заключается в той интимной близости, в которую вступили падшие люди, Адам и Ева, обнаружив, что они наги. И к этой точке зрения присоединяются очень многие из нас, когда, даже не в связи с библейским рассказом, грехопадением в обычном бытовом языке называют интимную близость. Но и эта точка зрения вызывает возражения, причем очень серьезные. Во-первых, призыв к Адаму и Еве стать мужем и женой содержится еще до рассказа о грехопадении. Ева призвана к жизни именно как жена Адама. Значит, в их близости нет ничего дурного и греховного. И во-вторых, и это, может быть, не менее существенно, возможно, даже это важнее: нагота в Библии вообще, с первых до последних ее Книг, – это символ не эротичности, а беспомощности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.